

СЕРГЕЙ АНТОНОВ

ДОЖДИ

7p.70 K.

JOHANNESBURG
1955

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

СЕРГЕЙ АНТОНОВ

ДОЖДИ

РАССКАЗ

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1955

Иллюстрации художника
Д. ДУБИНСКОГО

1

Среди бумаг, принесенных с почты тетей Пашей, был пакет из управления. На форменном бланке было написано:

«Начальнику строительства моста через реку Валовая у села Отрадное тов. Гурьеву.

На Ваш 147/06 от 13 июня сего года.

В текущем квартале дополнительного количества автомашин на Ваш объект выделено не будет.

Как показывают элементарные подсчеты, строительство моста через реку Валовая обеспечено вполне достаточным количеством автотранспорта для выполнения (сверху вписано карандашом: а при желании и перевыполнения) плана.

Только безответственностью (сверху вписано карандашом: и наплевательским отношением к порученному делу) можно объяснить тот факт, что план перевозок песка, щебня и гравия на строительстве моста через реку Валовая систематически не выполняется, чем по существу оттягивается на зиму окончание бетонных работ и тем самым ставятся под серьезную угрозу сроки строительства.

Предлагаю в недельный срок ликвидировать недопустимое отставание с вывозкой песка, щебня, гравия на строительную площадку моста через реку Валовая, для чего:

- а) использовать весь наличный автотранспорт на основных работах;
- б) организовать двухсменную работу в карьерах;
- в) обеспечить малую механизацию погрузочно-разгрузочных работ;
- г) полностью использовать выделенные наряды на гужтранспорт....»

И дальше шло еще много пунктов, в которых перечислялись простые, легко выполнимые вещи.

Секретарша начальника строительства Валентина Георгиевна дочитала бумажку до конца, занесла ее в журнал переписки с вышестоящими инстанциями и задумалась.

Ей представились непрерывные дожди, идущие днем и ночью вот уже две недели; размокшие дороги, скользкие, как мыло; машины, груженные щебнем и гравием, со стоном, берущим за душу, дергающиеся в колеях; лица водителей, посиневшие от холода и бессонницы; маленькая фигурка страдающего одышкой начальника строительства Ивана Семеновича, залипанного грязью по самую фуражку; райисполкомовские представители, не разрешающие срывать колхозные подводы с полевых работ; насосик «лягушка», выбивающийся из сил в каменном карьере.

Было хмурое утро. По крыше наскоро сколоченного барака, в котором помещалась контора строительства, барабанил дождь.

Из-за стены доносились раздраженные голоса Ивана Семеновича и прораба левого берега.

«У начальника сегодня достаточно неприятностей,— подумала Валентина Георгиевна,— доложу позже». Она достала из ящичка папку с тисненной золотом надписью: «К докладу», которую купила еще в конце войны в Риге на свои деньги, положила в нее бумажку и стала точить карандаши. Иван Семенович любил, чтобы у него на столе было много разноцветных заточенных карандашей.

Снаружи толкнули фанерную дверь. Дверь распахнулась, задрожав, как от озноба. В приемную вошла девушка лет восемнадцати с кнутом, сунутым за голенище сапога.

— Начальник дома? — спросила она.

— А вы кто? — спросила в свою очередь Валентина Георгиевна, затачивая зеленый карандаш.

— Я — бригадир возчиков из колхоза «Новый путь». Курепова, Ольга. Пускай начальник справку пишет. Завтра домой едем.

— По такому поводу я не могу беспокоить начальника строительства,— сказала Валентина Георгиевна, прикрывая глаза, чтобы подчеркнуть значение последних слов.— Обратитесь к прорабу.

— Да прораб ничего не понимает... Не понимает, с какой стороны гужи закладывать. Я ему толкую, что председатель нас на пять дней нарядил, а мы уж седьмой работаем. А он справку все одно не пишет. Нам удобрения на поля возить надо.

— Ну, я не знаю. Начальник строительства не может заниматься вашим вопросом. Он занят.

— Занят, так подождем.

Мокрая бригадирша села на скамью и стала выжимать из юбки воду.

— Здесь, девушка, учреждение, а не сарай,— строго сказала Валентина Георгиевна.

— Да все одно пол мыть надо,— ответила девушка, продолжая свое занятие.— Вон как заляпали. Одно к одному.

Валентина Георгиевна старалась поддерживать в своей комнате порядок солидного учреждения, внушающего уважение к начальнику, который здесь работает, и к делу, которое он делает. Сама она всегда являлась на работу аккуратная, строгая, в тщательно отглаженной блузке, под которой просвечивали какие-то розовые ленточки, и в длинном мужском галстуке. Черные волосы ее были гладко зачесаны, и в них кое-где проблескивала седина.

Уборщица тетя Паша боялась секретарши как огня и раза по три в день мыла полы. Однако при всем старании Валентины Георгиевны приемная выглядела временной. Кроме письменного стола, там стояла только неуклюжая скамья, да и ту перед каждым производственным совещанием вносили в кабинет начальника, вносили с криком и стуком, потому что скамья была длинная, а приемная — узкая. Вид портила и электрическая лампочка, притянутая бечевкой к столу для того, чтобы по вечерам удобнее было работать и чтобы посетители не стукались о нее головами.

Валентина Георгиевна заточила уже четвертый карандаш, когда из кабинета вышел прораб левого берега и, что-то бурча под нос, отправился на участок.

«Теперь придется доложить»,— подумала Валентина Георгиевна и пошла к Ивану Семеновичу. Прочтя бумажку, Иван Семенович расстроился, попросил позвать Тимофеева — начальника транспортного отдела, и принести сводку работы автотранспорта.

Тимофеев явился небритый, усталый и равнодушный.

— Вот смотрите,— тыкая пальцем в сводку, говорил Иван Семенович.— Из шестнадцати машин на линии восемь. Как же это у вас так получается?

— На линии двенадцать машин, Иван Семенович,— глядя в окно на серое небо, сказал Тимофеев, ожидая, когда начальнику надоест этот ни к чему не ведущий подсчет.

— Какие двенадцать машин! — Иван Семенович встал, вынул из медного стаканчика красный карандаш и с силой бросил его на сводку. Он не умел сердиться и знал за собой эту слабость. — Гравий возят восемь... Как же так, товарищ Тимофеев?

— Кузмичев и Куваев на профилактике, Степанов поехал в город с заведующим столовой... Вы сами разрешили...

— Вот видите. Я на один рейс только разрешил, а они каждый день ездят...

Тимофеев молчал, глядя в окно с таким видом, будто ему все равно, что сейчас ему скажут.

— Ну, одиннадцать, — продолжал начальник. — Где еще пять?

— Валов и Коркина без резины. Ахапкин за горячим уехал... Да что тут машины считать... По такой погоде на лодках надо гравий возить, а не на автомобилях.

— Ну, хорошо. Где еще две?

— Полуторка в распоряжении прораба левого берега... По вашему распоряжению.

— Что?

— По вашему, говорю, распоряжению, — раздраженно произнес Тимофеев.

— А шестнадцатая?

Валентина Георгиевна с беспокойством ждала, когда дело дойдет до этой шестнадцатой машины. Два дня назад упрямый Тимофеев, вопреки запрещению начальника, отправил ее в дальний рейс к каким-то своим приятелям менять «лягушку» на более мощный насос для каменного карьера. Из-за дождей машина где-то застряла, и теперь не было ни машины, ни насоса. Валентина Георгиевна смотрела на своего начальника — невысокого, полного человека с одутловатым раздраженным лицом и добрыми, голубыми, как у ребенка, глазами; на небритого, равнодушного ко всему Тимофеева; смотрела на обоих людей, которые так же, как и она, сознавали, что дело совсем не в машинах, а в погоде, и в глубине души понимали всю пустоту этого разговора, — и ей было жаль их обоих.

— Так где же все-таки шестнадцатая? — повторил Иван Семенович.

— Работает шестнадцатая. Тут неверно сложили.

— А это мы сейчас проверим. Валентина Георгиевна, поднимите, пожалуйста, сводки прорабов.

Расстроенная не меньше начальника, Валентина Георгиевна пошла к себе. На скамье все сидела бригадирша в измятой юбке.

— Я ведь не уйду, пока справки не дадут, — заговорила она. — Вы думаете, мы законов не знаем?! Мы таких занятых начальников перевидали ой-ой-ой сколько. Вот приезжал к нам уполномоченный по картошке нашими конями распоряжаться, так его, знаешь, как турнули...

— Прошу вас выбирать выражения, — оборвала ее Валентина Георгиевна, оскорбленная до глубины души тем, что опытного инженера и руководителя больших работ сравнивают с каким-то уполномоченным по картошке.

— Что? Что это? — спросил, появляясь в дверях, Иван Семенович.

— Да вот к вам не пускают, — заговорила бригадирша. — Срок наш вышел, харчи кончились, на поля надо назем возить, а прораб справку не дает.

— Да что вы! — сказал Иван Семенович.

— Ей-богу, правда. Говорит, задание не выполнили... А какое тут может быть задание, когда за семь километров за этим гравием приходится ездить. Когда за оврагом на горку поднимаемся — второго коня припрягаем... Не вытянуть по такой погоде.

— Да что вы! — снова сказал Иван Семенович.

— Ей-богу, правда. Вот на берегу есть гравий, километрах в двух отсюда. Если бы с берега возить, мы бы тебе, товарищ начальник, еще вчера два плана бы перевозили. Думаете, нам интересно смотреть, как бетономешалка стоит?

— Без разбора гравий нельзя, красавица, возить, — мягко

сказал Иван Семенович.— Можно возить только тот, который подходит по твердости. А мягкий, известняковый — нельзя.

— Нельзя — так нельзя. Вы сами справку будете писать или на машинке?

— Ты немного погоди, красавица.— Иван Семенович немело, словно горячую печку, похлопал девушку по плечу.— Давай условимся по-хорошему: повозите вы еще три денька...

— Каких три денька? Да что вы, товарищ начальник!

— Да погоди, погоди. Ты комсомолка? Ну сама посуди, как же так получится: наполовину не выполнили задание и дезертировали. Комсомольцы так не поступают. Стыдно.

— Ничего, не застыдимся.

— Да что ты, такая... Я бы на твоём месте до конца строительства не уезжал. Видела, какие у нас женихи ходят: молодые, красивые, техники, бетонщики, шофера...

— Куда мне ваших шоферов. У меня мужик есть,— спокойно сказала бригадирша.— А если справку не дадите — так уедем.

Валентина Георгиевна слушала, как начальник, которого ждет масса дел, терпеливо уговаривает бригадиршу, ни словом не упоминая ни о напряженном положении на стройке, ни об обидной несправедливой бумаге из центра, слушала, как он пытался убеждать, совестить, шутить, хотя шутить не умел, так же как не умел по-настоящему сердиться, смотрела на его седую голову, на его смущенную улыбку, и глухое раздражение против этой упрямой девчонки поднималось в ней.

Иван Семенович, наконец, махнув рукой, сказал устало:

— Напишите, Валентина Георгиевна, справку, пусть едут... Ничего не поделаешь,— и ушел в кабинет.

— Как вам не стыдно,— в сердцах проговорила Валентина Георгиевна, как только за ним закрылась дверь.— Сами видите, что дожди, что машины буксуют, что начальник посидел за эти дни, а вы — справку... Мост-то вам нужней, чем нам...— и губы ее задрожали.

— Ну ладно, ладно вам...— удивленно и испуганно сказала девушка.— Завтра еще поработаем, только справку напишите.

Раздался стук в стену. Валентина Георгиевна пошла к начальнику. Он что-то писал, видимо забыв о шестнадцатой машине. Тимофеева не было.

— Вот я тут...— сказал Иван Семенович с большими паузами, продолжая писать,— выписываю те документы... которые вы должны подготовить... сегодня к вечеру. Сегодня еду в Москву,— он решительно бросил карандаш.— Надо им там доказать, что сейчас не на машинах, а на лодках приходится материалы возить.

2

Вскоре после отъезда Ивана Семеновича погода наладилась, засияло горячее солнце, и Валентина Георгиевна смогла, наконец, отправиться на работу в своих любимых белых туфлях.

В кабинете Ивана Семеновича стало пусто и гулко. На окне стояли высохшие, насорившие по подоконнику цветы.

Одинаково красиво заточенные карандаши торчали из медного стаканчика вверх остриями.

Всегда, когда Иван Семенович уезжал, у Валентины Георгиевны портилось настроение. В эти дни было особенно заметно, что сотрудники интересуются ею только в связи с начальником. Печатать было почти нечего, стука в стену не раздавалось,

телефон звонил редко. Кроме того, Валентина Георгиевна беспокоилась, как там в Москве Иван Семенович обходится один и кто ему разыскивает нужные справки.

К обеденному перерыву она исполнила все текущие дела, напомнила отделам о представлении декадной отчетности и пошла нарвать свежих цветов.

Мост строился примерно в полутора километрах от конторы, и с крутого берега издали были видны опоры, поднимающиеся над спокойной водой. На одной из опор было пусто, а на двух других копошились люди, и Валентине Георгиевне вспомнилась фраза, которую она недавно печатала под диктовку Ивана Семеновича: «Ввиду недостатка инертных, сконцентрировать бетонные работы в первую очередь на второй и третьей опорах».

Через реку тянулся временный мостик на неошкуренных оранжевых сваях. Проект этого мостика Иван Семенович набросал в течение десяти минут на коробке «Казбек», и Валентине Георгиевне тогда казалось, что этот мостик обязательно провалится. По мостику на вагонетках подвозили к опорам бутовый камень, бетон, подтоварник, арматурное железо, скобы, гвозди и множество других материалов, названия которых едва умещались на восемнадцати страницах заявки отдела снабжения. Везли и атласно-желтую дюймовку свежего распила, ту самую, по поводу которой несколько дней тому назад Валентина Георгиевна сорвала голос, передавая телефонограмму: «Срочно отгружайте дюймовые доски, срываются бетонные работы».

Чем ближе подходила Валентина Георгиевна к мосту, тем явственней различала в бодрящем слитном шуме стройки отдельные звуки: и отчетливый, долетающий с опозданием стук сверкающего на второй опоре топора — от первого пробного удара обухом по гвоздю до последнего, оглушительно-победного, когда длинный гвоздь загнан по шляпку; и пенье пилы на третьей опоре, сперва тихое, срывающееся, когда упрямое полотно приходится направлять большим пальцем на путь истинный, а затем звонкое

и волнистое, когда смирившаяся пилта входит во вкус и брызжет струями опилок; и глухое шлепанье дизель-бабы, заколачивающей сваи у правого берега; и хватающий за душу скрежет гранитного щебня о сталь барабана бетономешалки; и торопливое туканье движка за насыпью, то утихающее, то усиливающееся, словно движок то убегает куда-то, то возвращается; и неожиданный гром разгужаемых бревен на правом берегу.

И ко всему этому деловому шуму, стуку и грохоту, который после многодневных расчетов, споров, заседаний и утверждений возник по воле уехавшего в Москву Ивана Семеновича, Валентина Георгиевна имела определенное касательство, и это радовало ее. Она шла по упругому слою слежавшейся стружки, по коварным бревнам, норовицам выкатиться из-под ног, по свежештампованному ребристому следу пятитонного самосвала, и с ней изредка здоровались люди, которых она не помнила в лицо. Она поднялась по осыпающемуся откосу левобережного подхода и пошла дальше, мимо барж, снаряжаемых для подачи на плавку пролетного строения, к своей любимой полянке, где росли лютики, ромашки и еще какие-то красненькие цветы, названия которых Валентина Георгиевна не знала.

Полянка эта находилась между узким рукавом реки и ельником, состоящим из молодых елочек с хвойными крестиками на макушках. Когда поднимался ветерок, цветы приходили в движение и как будто играли в пятнашки, а елочки смешно раскланивались друг с другом. Шум стройки почти не доносился сюда, и только изредка лениво проплывающий обрезок бревна с цифрой, написанной на торце мелом, напоминал об идущей невдалеке работе.

Собирая цветы, Валентина Георгиевна мечтала. Она мечтала о том, что Ивана Семеновича назначат начальником управления и у него будет кабинет с шелковыми шторами и звонком для вызова секретарши, и в приемной будут стоять одинаковые шкафы, и в каждом шкафу одинаковые папки с автоматическими шивателями, и номера на корешки Валентина Георгиевна будет наклеивать, вырезая цифры из прошлогодних календарей, и папок будет

так много, что по ночам Иван Семенович станет посылать за ней машину, чтобы разыскать нужную бумажку. Так мечтала Валентина Георгиевна, а мимо нее беспечно, словно клочки бумажки, подхваченные ветром, пролетали мотыльки. Валентина Георгиевна работала с Иваном Семеновичем девятый год и не могла себе представить другого начальника. До этого она лет десять работала машинисткой в машинном бюро технического издательства. Во время войны, когда машинное бюро расформировали, она отправилась в воинскую часть и упросила принять ее на любую должность. Ее оформили в качестве вольнонаемного секретаря-машинистки к инженер-капитану Гурьеву, и с тех пор она все время путешествовала с ним со стройки на стройку. Внешняя суровость и замкнутость Валентины Георгиевны мешали ей подружиться с товарищами по работе. Единственное увлечение ее странно кончилось: однажды во фронтовой газете она увидела портрет моряка, похожего на Чкалова, и, пораженная его подвигом, напечатала ему письмо в двух экземплярах. Один экземпляр она оставила себе, а второй отправила через газету моряку. Переписка завязалась. Валентина Георгиевна в то время работала в военно-дорожном управлении, где-то под Тихвином, моряк воевал под Ленинградом. Письма шли часто и регулярно. В одном из писем моряк попросил у Валентины Георгиевны карточку. Она срезала с доски почта свою фотографию, послала ее и стала считать дни. Однако после этого письма переписка внезапно оборвалась — и Иван Семенович, знавший все несложные секреты Валентины Георгиевны, старался убедить ее, что моряк, конечно, погиб, хотя сам в этом не был уверен.

Нарвав цветов, Валентина Георгиевна подошла к берегу и села на пенек, посмотрев предварительно, нет ли поблизости ящерицы.

Рукав реки казался бездонным от отражения густых облаков и нежного голубого неба. На спокойной воде, среди клеенчатых листьев лилий, изредка возникали, словно от упавшей капли, медленные круги и вздрагивал белый цветок, тронутый рыбой. Потрескивая крыльями, низко над водой гонялись друг за другом

стрекозы. Противоположный берег реки и дальний лес в теплом воздухе виднелись словно в тумане.

Не обращая на все это внимания, Валентина Георгиевна, со строгим лицом оценивая каждый цветок, составляла букет и так была погружена в это занятие, что не слышала шагов Тимофеева.

— Начальнику? — спросил Тимофеев, глядя на цветы.

— Да. В кабинет начальника, — поправила Валентина Георгиевна, взглянув на Тимофеева через плечо.

— Скоро приезжает?

— Да. Дня через два.

— Можете его порадовать. По вывозке гравия почти дотянули до плана. Вот что значит без дождичка.

— Да. По данным метеорологов, завтра тоже не будет осадков.

— Что это вы так неловко цветы перебираете, Валентина Георгиевна?

— Пальцы болят. Нервное или от машинки — не знаю, — ответила Валентина Георгиевна, тронутая тоном его голоса.

Тимофеев сел на землю, осторожно собрал упавшие с ее колен лютики и подал.

— Почему вы всегда небритый? — спросила Валентина Георгиевна, чуть краснея и боясь, что он взглянет на ее лицо.

— А для кого бриться?

— Для себя.

Тимофеев о чем-то подумал и вздохнул.

— Незачем и времени нет. Работа у нас идет как-то бестолково. Главный прорыв с вывозкой инертных, а последний лпгроин тракторам отдали. Трактора в любую погоду смогут работать, а для машин эти минуты — золото. Завтра машины станут.

— Да? — сухо сказала Валентина Георгиевна, чувствуя в словах Тимофеева упрек Ивану Семеновичу.

— Вот вам и да. Все мы хорошо, да вразброд работаем. Не кулаком бьем, а пятерней. Хозяина настоящего нет. Оттого и пальцы у нас болят.

— Благодарю. Больше не надо подбирать,— раздраженно сказала Валентина Георгиевна.

— Не надо — так не надо! — Тимофеев поднялся и зашагал к мосту.

Переждав, пока он скрылся за холмом, пошла на работу и Валентина Георгиевна. Вечером дел оказалось немного, и она довольно рано вернулась в деревню, погладила блузку, почитала Чехова и рано улеглась спать.

В полусне ей вдруг показалось, что в ведомости, составленной по просьбе начальника перед его отъездом в Москву, она напечатала 107 кубометров уложенного бетона вместо 127. Она вскочила со своей раскладушки, быстро оделась и, побаиваясь темноты, побежала в контору смотреть копию. Все оказалось правильно: было напечатано 127 кубометров.

Валентина Георгиевна успокоилась и вернулась домой очень поздно, когда на мосту одиноко постукивала дизель-баба.

3

Через два дня вернулся Иван Семенович с каким-то незнакомым человеком. С приездом начальника у Валентины Георгиевны появилось много крупных и мелких дел, и ей некогда было рассматривать приезжего. Она заметила только, что он наклоняет голову, переступая порог, и носит под пиджаком жилетку. На следующий день с самого утра приезжий снова появился в конторе в сопровождении Ивана Семеновича, и Валентина Георгиевна рассмотрела его подробнее. Это был высокий и сильный, начавший лысеть мужчина лет тридцати пяти — тридцати восьми. На нем был выгоревший черный пиджак, такая же жилетка и заправленные

в казенные кирзовые сапоги брюки. Из кармана жилетки торчала маленькая логарифмическая линейка. Лицо и руки его густо загорели, словно он только что приехал с курорта, и на руках росли волосы.

Вместе с Иваном Семеновичем приезжий прошел в кабинет, и Иван Семенович, высунувшись из полуоткрытой двери, предупредил, чтобы к нему никого не пускали.

— Да, — сказала Валентина Георгиевна. На строительство часто приезжали инспекторы и ревизоры из управления, и она привыкла к этому.

После обеда, когда она печатала инструкцию противопожарной безопасности, подошел Тимофеев и вполголоса спросил, кивнув на дверь:

— Ну, как вам показался новый?

— Что за новый? — не поняла Валентина Георгиевна.

— Да что вы, не видите? — удивился Тимофеев. — Иван Семенович-то дела сдает.

И тут вдруг Валентина Георгиевна поняла, почему Иван Семенович просил принести то документацию, связанную с техническим проектом, то акты на скрытые работы, то бухгалтерскую отчетность, почему велел никого не пускать в кабинет. Она пробовала печатать дальше, но в каждой строчке стала делать ошибку и бросила.

Не первый раз Ивана Семеновича переводят на другой объект, но всегда об этом раньше всех узнавала Валентина Георгиевна. Начальник вызывал ее в кабинет, сообщал, что они отправляются тогда-то, туда-то, предупреждал, чтобы никому пока об этом не говорить, давал наставления, связанные с отъездом.

Валентина Георгиевна была оскорблена тем, что узнала об отъезде от Тимофеева. Дождавшись, когда новый начальник вышел из кабинета, она решительно поднялась и, не постучавшись как обычно, вошла к Ивану Семеновичу.

Иван Семенович сидел за столом, но не на своем обычном месте, а сбоку, на табуретке, и что-то писал. Взглянув на Валентину

Георгиевну, он ничего не сказал и продолжал писать, еще ниже наклонив свою седую голову.

— Иван Семенович, мы уезжаем? — спросила она.

Начальник медленно выпрямился, смущенно посмотрел на Валентину Георгиевну и проговорил:

— Да, приходится ехать... Ничего не поделаешь... Меня назначают начальником технического отдела управления. Говорят, что постарел для производства... Ничего не поделаешь... Вот ведь беда, не замечаем мы старости...

И он улыбнулся грустной улыбкой.

— Когда же нам собираться?

— Видите ли, Валентина Георгиевна, — сказал Иван Семенович, тщательно поправляя буквы в недописанной бумаге. — Мне придется уехать на этот раз одному... Начальник управления приказал, чтобы ни одного работника со строительства я не увозил с собой... Ничего не поделаешь...

— А как же я? — удивилась Валентина Георгиевна.

— Ничего, ничего... — Иван Семенович встал и так же немело, как тогда бригадиршу, похлопал ее по плечу, — немного поработаете, а там я вас вызову... А сейчас неудобно. Да и что вам за охота тащиться за мной, за стариком, в душный город...

— Да, — машинально сказала пораженная Валентина Георгиевна.

— То ли дело на строительстве... — печально продолжал Иван Семенович. — Река, лес, поле... Чистый воздух...

На следующий день Иван Семенович остался дома собирать вещи, а новый начальник со странной фамилией Непейвода водворился в кабинете. Он был уже там, когда Валентина Георгиевна пришла на работу. Дверь в кабинет была открыта настежь.

— Валентина Георгиевна! — крикнул из кабинета новый начальник, громко и отчетливо произнося каждую букву.

«Господи, он уже знает мое имя-отчество»,— вздрогнув, подумала Валентина Георгиевна и, стараясь не торопиться, вошла в кабинет.

Непейвода сидел, разложив по столу волосатые руки, и письменный стол показался Валентине Георгиевне гораздо меньше, чем при Иване Семеновиче. Начальник смотрел на секретаршу, чуть склонив голову набок, отчего казалось, что он разглядывает ее иронически.

— Да,— сухо проговорила Валентина Георгиевна.

Непейвода смотрел все так же молча в упор, в переносицу Валентине Георгиевне, смотрел долгим, изучающим взглядом до того пристально, что переносица зачесалась.

— Уберите, пожалуйста, эти разноцветные карандашники,— сказал Непейвода.— Мне тут некогда будет картинки рисовать. Достаточно одного карандаша.

— Да,— отозвалась Валентина Георгиевна.

— И еще. Скажите, чтобы поставили вот здесь, в углу, рукомойник.

— Что?

— Рукомойник. Механизм, из которого умываются.— Начальник поднялся во весь свой рост, и тень его упала Валентине Георгиевне на ноги. Она посторонилась от тени.— И корыто или ведро. Мыло и полотенце я принесу сам.

— Где же я возьму рукомойник?

— Вот еще проблема. Рукомойника не найти. На худой конец пусть принесут банку из-под олифы и шестидюймовый гвоздь. Я сам сделаю рукомойник.

— Да,— сказала Валентина Георгиевна.

— И потом отпечатайте вот это в виде приказа,— он подал исписанный беглым почерком клочок бумаги,— и разошлите по участкам. Сегодня же.

Глаза его сказали: «Все». Валентина Георгиевна вышла.

Она села за свой столик, надела на пальцы резиновые колпачки и стала печатать:

•Приказ № 69

Село Отрадное

26 июня 19... года

С сего числа приступил к исполнению обязанностей начальника строительства моста через реку Валовая.

Основание: Распоряжение начальника Главного Мостового Управления от 21 июня сего года за № 3751/ОК».

Валентина Георгиевна сняла колпачки, написала на трех экземплярах: «С подлинным верно», расписалась и заплакала.

4

После отъезда Ивана Семеновича на строительстве все пошло вверх дном. У прораба левого берега отобрали полуторку, а сам прораб перестал быть прорабом левого берега, а стал называться прорабом бетонных работ строительства; земляные работы на подходах правого берега были прекращены; прораба правого берега назначили заведовать карьерами, а человек шестьдесят рабочих перебросили на ремонт подъездных путей к гравийному карьере. Тракторы и некоторые другие механизмы остановились, потому что пять тонн начальник приказал залить в НЗ, а остальным горючим стал распоряжаться Тимофеев, который ничего, кроме своих автомашин, не заправлял. Откуда-то новый начальник

узнал о заброшенном гравийном карьере на берегу реки, видимо о том самом, про который говорила бригадирша возчиков, притащил оттуда целый мешок земли и гальки, высыпал в кабинете и велел послать на анализ. Новый начальник с самого рассвета ездил по карьерам и по строительной площадке, приезжал грязный, осыпанный щебеночной и цементной пылью, раздевался в кабинете до пояса и мылся, расплескивая по стенам воду. В те считанные часы, когда он находился в конторе, дверь кабинета была распахнута настежь, и он принимал всех без разбора и без доклада и не стучал в стенку, как, бывало, Иван Семенович, а кричал на весь дом: «Валентина Георгиевна!», когда нужна была какая-нибудь справка. В конторе стали появляться новые люди: работники райисполкома, представители райкома партии. С ними у Нешейводы сразу же установились отличные отношения, и он часто звонил в райцентр и оглушительно хохотал в трубку.

Больше всего от нового начальника доставалось Тимофееву, хотя он и стал одним из главных людей строительства. Однажды начальник увидел железную бочку с горючим, лежащую на солнцепеке. Он вызвал Тимофеева и велел написать и вывесить на складе горючего такой плакат: «Из бочки, оставленной под солнцем, испаряется за день столько горючего, сколько хватило бы на пятьдесят километров пробега трехтонки». Тимофеев в это не верил, но плакат поручил написать и сам повесил. Потом начальник откуда-то узнал про обмен «лягушки» из каменного карьера. Он приказал отвезти насос обратно и вычесть стоимость израсходованного горючего из зарплаты Тимофеева. Тимофеев пришел было спорить, но начальник сказал, что не станет с ним разговаривать до тех пор, пока он не побреется. Тимофеев побрился, начальник его принял, но приказания не отменил.

Валентине Георгиевне казалось, что так же, как и она, все остальные недовольны новым начальником и с сожалением вспоминают об Иване Семеновиче. Она очень тосковала о нем, и в тот день, когда увидела на чертеже, только что присланном из Москвы, знакомую подпись и новый титул Ивана Семеновича: «Начальник

технического отдела», обрадовалась так, словно получила от него письмо. Она долго думала, с кем бы поделиться своей радостью, и, наконец, подозвала тетю Пашу.

— Вы узнаете эту подпись? — спросила она загадочно.

Тетя Паша не узнавала.

— Да это же Иван Семенович подписал! Он теперь работает в Москве и рассылает проекты на все строительства.

— Вот ведь как... — неопределенно проговорила тетя Паша и, подумав, добавила: — Полы-то сейчас мыть или после?

Валентина Георгиевна обиделась и спрятала чертежи, но, когда вошел Тимофеев, не удержалась и вынула их снова.

— Узнаете подпись? — спросила она.

— Как же. Вот сейчас старик на месте сидит. Ну-ка покажите... — Он начал внимательно разглядывать чертеж. — Смотрите-ка, запроектировали какую толщину: двенадцать сантиметров асфальтобетона. Что они там — белены объелись, что ли? Еще придется и асфальтобетон возить — не перевозить.

— Значит, так следует по техническим условиям, — строго заметила Валентина Георгиевна. — Иван Семенович знает.

— Ну что же. Если следует по техническим условиям, перевезем, — примирительно сказал Тимофеев. — Теперь дела веселей пошли.

— Дела пошли веселей потому, что кончились дожди. — Валентина Георгиевна вспыхнула.

— И дожди кончились, и работаем умней. Все силы брошены на обеспечение вывозки — на самое узкое место.

— Вам хорошо рассуждать. Вы сейчас в центре внимания. А послушайте, что говорят прорабы.

— Прорабы ничего не говорят. Это тогда они много говорили. А теперь им некогда — работать надо.

Слова Тимофеева поразили Валентину Георгиевну. Уж кто-кто как не Тимофеев, у которого с приездом нового начальника кончилась спокойная жизнь, должен бы ценить и почитать добрым словом Ивана Семеновича. А он ходит бритый, улыбается и не

сомневается в том, что перевезет на своих шестнадцати машинах все, что только ему захочется.

В этот день Валентина Георгиевна поймала себя на гадкой мысли: ей хотелось, чтобы снова пошли дожди. Условия были

слишком неравными для сравнения нового начальника со старым. Вот если опять пойдет дождь, застрянут на дорогах машины, зальет карьер, остановятся бетономешалки — вот тогда всем и станет ясно, что Иван Семенович лучше Непейводы.

И Валентина Георгиевна стала ждать дождя.

В избе, где она жила вместе с хозяевами-колхозниками и двумя чертежниками, говорили как-то, что если гусь стоит на одной ноге — значит будет холод и дождь.

Утром, отправляясь на работу, Валентина Георгиевна вышла во двор и, в душе презирая себя за это, смотрела на гусей. При ее приближении гуси тихо переговаривались между собой, будто им были известны ее тайные мысли.

Однажды, проснувшись, она увидела, что хозяева завтракают при свете лампы. В комнате было сумрачно, и ей показалось со сна, что еще продолжается вечер. Первое, что она увидела, выглянув в окно, была ворона. Ворона сидела под козырьком крыльца противоположного дома и отряхивалась, как собака. Шел серый обложной дождь. Хозяйка сердито выбрасывала из сундука сапоги и галоши. Валентина Георгиевна быстро оделась, раскрыла зонтик и, напевая под нос, пошла в контору.

В кабинете начальника было полно народу.

Десятников-строителей закрепляли за дорогами. На тяжелые места посылали тракторы, заправленные горючим из НЗ, для выволакивания застрявших машин. Был отдан приказ сделать над опорами крыши и ни под каким видом не прекращать бетонные работы. Начальник пытался дозвониться до Москвы, но линия была повреждена. В общем стояла такая кутерьма, что у Валентины Георгиевны разболелась голова. Наконец, начальник уехал, контора опустела, и Валентина Георгиевна смогла заняться своими обычными делами.

Часа через два заляпанный грязью и мокрый начальник приехал в контору, снова пытался звонить в Москву и снова безрезультатно. Тогда он стал умываться и, умываясь, диктовать Валентине Георгиевне текст телеграммы:

— «Молния. Начальнику производственного отдела управления.— Написали? — Несмотря на то, что образцы гравия карьера берегу Валовая были посланы лабораторию неделю назад,

результатов испытания нет.— Написали?— Визуальному заключению гравий вполне пригоден для бетона, соответствует техническим условиям. Прошу немедленно телеграфного сообщения результата испытаний,— продолжал начальник, разбрызгивая во все стороны воду,— или начну применять гравий дело. Точка. Не могу больше идти поводу ваших медлительных работников».

— Мы это пишем в управление? — наметнула Валентина Георгиевна, деликатно пытаясь обратить внимание начальника на резкость выражений. Но начальник не понял намека.

— В управление. А что? — сказал он, брызгая ей на чулки.

— Ничего,— ответила она и подумала: «Какое мне, в конце концов, до этого дело».— Итак, я написала: «медлительных работников»...

— Так. Пишите: «Дальнейшем прошу оперативнее оказывать помощь местам делом, а не формами циркулярами. Непейвода». Всё. И позовите начальника производственно-технического отдела.

«Вот оно и начинается,— думала Валентина Георгиевна, подсаживаясь к машинке.— Как дождь пошел, так сразу телеграмма в Москву на сто рублей». Перепечатав текст, она пошла в кабинет за подписью. Непейвода взял карандаш, чтобы расписаться, но задумался и сказал начальнику производственно-технического отдела:

— Если они так сильно зашились с анализами, как вы говорите, то все наши телеграммы — чепуха. Через неделю нам нужны уже не анализы, а готовые опоры. Вы не знаете, когда из этого карьера в последний раз брали гравий?

Начальник отдела не знал.

— И вы не знаете?

Валентина Георгиевна тоже не знала.

— Кого бы послать в деревню разузнать об этом? — спросил Непейвода.— Да побыстрей бы.

Стали думать, кого послать. Но в связи с плохой погодой почти все люди были на линии. Оставшийся в производственном отделе техник переделывал проект плана на июль, с которым и так

очень запаздывали. Все люди были заняты. Начальник посмотрел на Валентину Георгиевну и внезапно спросил:

— Вы верхом ездите?

— Что? — удивилась она.

— Нет, наверное, не ездите, — разочарованно продолжал он. — Я думал, что в армии научились.

— В армии я ездила на машине. Иван Семенович всегда предоставлял мне кабинку, — и она значительно прикрыла глаза.

— Но сейчас, — начальник посмотрел в окно, — на машине нельзя проехать. Не смогли бы вы пойти в деревню и узнать об этом карьере у местных жителей или у председателя колхоза? А?

— Хорошо, — сказала Валентина Георгиевна, пожав плечами и думая о том, что, если инженеры стали дорожными мастерами, почему бы ей не стать курьером.

— Только вам придется идти пешком.

— Да, конечно.

Она вышла в приемную и, прислушиваясь к визгу дождя, надела резиновые сапоги, легонькое пальто с плечиками, подняла воротник, взяла зонтик и направилась к выходу.

— Валентина Георгиевна, — сказал начальник.

Она немного обернулась, не желая встречаться с ним взглядом.

— Неужели вы так думаете идти?

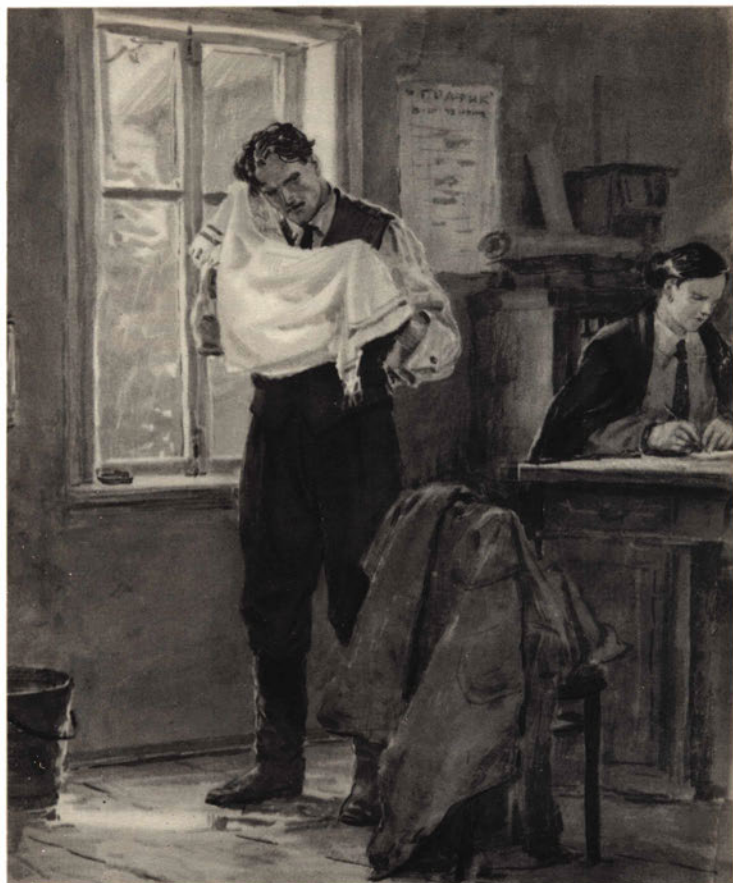
— А как же мне идти?

— Вы промокнете до нитки. Подождите.

Он вынес из кабинета большой, заскорузлый брезентовый плащ с военными пуговицами и с многозначным числом, напечатанным на поле черной краской. От плаща пахло табак.

— Надевайте, — сказал начальник, раскрывая плащ.

Плащ оказался большим даже для высокой Валентины Георгиевны. Начальник застегнул его на все пуговицы, подвернул рукава и натянул на шляпку жесткий капюшон.

— Вот теперь хорошо. А зонтик оставьте... Если в одной деревне не узнаете — идите в другую. Желаю успеха.

Валентина Георгиевна сунула в карман припасенный на завтрак бутерброд, завернутый в кальку, и вышла.

Дождь лил нудный, равномерный, без грома и без молнии, но густой и непрозрачный. Впереди было плохо видно. Река казалась белой от падающих капель и словно кипела. Дорога набухла, была скользкой, и Валентина Георгиевна перепрыгнула через канаву на траву. По траве идти стало легче. Из-под ног тяжело выпрыгивали мокрые лягушки, похожие на соленые огурцы. Дождь гулко, как по крыше, стучал по капюшону, но внутрь не проникало ни одной капли, и Валентине Георгиевне показалось даже приятным шагать в длинном, просторном плаще по мокрому полю. «Как в беседке», — подумала она, поеживаясь.

Хозяева удивились ее неурочному появлению. Никаких сведений о гравийном карьере они дать не могли и не знали даже о его существовании. Видимо, этот карьер был давным-давно заброшен. Хозяин посоветовал наведаться к дорожному мастеру, который жил на краю деревни. Дорожный мастер, парень молодой и веселый, достал дорожную ленту, аккуратно вычерченную на миллиметровке, нашел условный знак карьера, возле которого указана была мощность (около 5 000 кубометров гравия), но сказал, что дорожники этим гравием не пользуются. Когда из карьера брали материал и для какой цели — он не знал и твердо заявил Валентине Георгиевне, что об этом не знает никто из деревенских.

— Вот в «Колосе», в соседнем колхозе, — сказал дорожный мастер, — сохранились еще старики, которые работали до революции у подрядчиков на железной дороге — те, наверное, копались в этом карьере.

И Валентина Георгиевна отправилась в «Колос».

Путь туда был много трудней. Приходилось подниматься на гору, спускаться в овраги. По обе стороны покатой и скользкой

дороги чернела пашня, и, пройдя полкилометра, Валентина Георгиевна еле волочила сапоги, увешанные тяжелыми, как свинец, комьями глины. Из увязających в грязи резиновых сапог вынимались ноги. Плащ набух и давил на плечи. Валентина Георгиевна шла, все больше раздражаясь бессмысленностью данного ей поручения и все сильнее подозревая Непейводу в том, что он послал ее мокнуть под дождем в отместку за неприязненное к нему отношение.

Вскоре ей захотелось есть. Она вспомнила о бутерброде, остановилась, осматриваясь, где бы посидеть, но кругом темнела рыхлая пашня, редкие кусты и грязная дорога. Кроме того, бутерброд превратился в желтое месиво, состоящее из теста, кальки и крошек табака, и все это пришлось выкинуть. «Вот бы Иван Семенович увидел меня в таком положении», — подумала Валентина Георгиевна, двинувшись дальше. Длительность пути начинала ее беспокоить. Дорожный мастер говорил, что «Колос» находится в пяти километрах от деревни, а Валентина Георгиевна считала, что прошла уже не меньше восьми.

«Уж не заблудилась ли я», — подумала она, боясь признаться себе в том, что на развилках двух дорог всегда выбирала ту, по которой, казалось, легче идти. Постояв немного в надежде, что появится человек, и никого не дождавшись, она решила идти вперед и сворачивать на развилках все время на левую дорогу. Пройдя таким образом еще около часа, она, наконец, увидела смутно темнеющие сарай, вышла на огороды какой-то деревни и постучалась в первую попавшуюся избу. Ей крикнули, чтобы заходила. Она прошла темными сенями, в которых спасались от дождя куры, и очутилась в просторной горнице. За столом обедали три человека: старушка, девушка и парень, глазами похожий на старушку. Он поднялся и помог Валентине Георгиевне снять плащ, до того жесткий, что казалось: если его поставить, он так бы и остался стоять. Старушка принесла теплые валенки и посоветовала снять сапоги.

— Боже мой, уже пятый час,— сказала Валентина Георгиевна, взглянув на ходики.

— Да вы откуда сами-то? — спросила девушка и, увидев мужской галстук, воскликнула: — Лешка, да это ведь с моста тетенька!

Валентина Георгиевна пригляделась и узнала ту самую бригадишу, которая приходила за справкой.

— Ясно, с моста,— продолжала бригадирша.— Опять за подводами?

— Нет, нет... Вас как звать? Кажется, Оля?

— Да,— засмеялась бригадирша.— Сколько у вас народу, а меня, смотри-ка, запомнили... Знакомьтесь, это муж мой, Алексей. А это бабка. Вы его не бойтесь, он на вид только такой, а на самом деле тихий.

Алексей, парень лет двадцати двух, но уже с солидными ма-
нерами главы семейства, отставил тарелку и сказал:

— Не видишь, что ли,— с дороги человек. Сперва поесть подай, а потом стрекочи.

— Нет, нет... Благодарю вас...— говорила Валентина Георгиевна, страшась, как бы хозяева не приняли всерьез ее отказа. Но старушка уже осторожно вытягивала из буфета старинную, стоявшую на ребре, тарелку, стараясь не потревожить чашек и рюмок. Оля, прижав к груди каравай, отрезала крупные по-
здраватые ломти.

— Чего это вы к нам? — спросила она.

— Я заблудилась. Мне нужно в «Колос».

— Нужно в «Колос», а мы — «Новый путь». Вот какого крюка дали! — сказала из кухни старушка.

— А что вам в «Колосе» надо? — не унималась Оля.

— Хочу узнать о карьере, про который вы тогда говорили.

— Вот что. Значит, из того карьера теперь брать гравий будете... Нужда-то, она заставит.

— Когда из него брали гравий? — спросила Валентина Георгиевна, погружая ложку в густые щи.

— Из него давно не берут,— сказала Оля,— весь обрыв кустами зарос.

— Оттуда гравель на железную дорогу, я думаю, брали,— сказала старушка из кухни.

— Когда это было?

— Еще до войны.

— До какой войны?

— Еще до той. До тихой войны. При царе.

— А позже?

— Позже, я думаю, на дорогу брали.

— Ты, бабушка, не знаешь, так не путай,— сказал Алексей, поднимаясь из-за стола и надевая пальто.— На дорогу-то мы от Кривой балки возим. А этот карьер, про который они говорят, километров за пятнадцать отсюда. На что нам из такой дали возить.

— У кого бы узнать точно? — спросила Валентина Георгиевна.— Мне это очень нужно.

— У нас вам точно узнать не у кого...— раздумывая, проговорил Алексей.

— Мне об этом карьере рассказывали изыскатели,— перебила его Оля,— они сейчас в райцентре все, старичок там у них есть, ихний начальник, он и говорил.

— Старичок тоже в райцентре?

— Тоже, я думаю, там...

— Как его фамилия?

— Фамилия? Вот фамилию позабыла...

— Это у которого рука сохнет? Не Мошкарров ли? — откликнулась из кухни старушка.— Помнится мне, что Мошкарров.

— Да не путай ты, бабушка,— сказал Алексей.— Когда не знаешь, так не путай. Это тот сухорукий, который у Евграфовых стоял? — обратился он к жене.

— Тот самый.

— Обождите-ка, я сейчас Евграфова спрошу.

Алексей ушел. Минут через десять он вернулся. С ним пришел бородатый мужчина в шинели, накинута на плечи.

— Комаров его фамилия, — объявил Алексей. — Комаров, Василий Игнатьевич.

— Погоди, я сам скажу, — остановил его бородатый мужчина, снял шинель, отер об нее мокрые руки и присел к столу. — Это вы с моста? — почтительно спросил он. — Так вот, берите бумажку и записывайте, чтобы не позабыть. Пишите: Комаров, Василий Игнатьевич, инженер путей сообщения. Удивительный человек, все тут от края до края знает: и землю, и дороги, и самые малые мостики. Он вам на любой вопрос справку даст. Живет он сейчас в райцентре, недалеко от Советской площади. Как пройдешь, стало быть, мимо кино, так вот во второй заулок поворачивай, четвертый или пятый дом слева, там увидишь железную крышу над крыльцом...

Бородатый мужчина долго объяснял, как найти Комарова, как будто ему это было нужно больше, чем Валентине Георгиевне.

— Сколько отсюда до райцентра? — спросила она.

— По шоссе считают восемнадцать километров...

— Хорошо. Сейчас вернусь и доложу начальству.

— Я в МТС еду, — сказал Алексей. — Хотите, подвезу? Мне по пути.

Когда он кончил запрягать, Валентина Георгиевна попрощалась и вышла во двор. Был девятый час вечера. Дождь теперь уже не лил, а сыпался отдельными каплями, холодными и острыми, и в сумерках шум дождя стал слышнее, чем днем. Валентина Георгиевна уселась в телегу в мокрое сено, Алексей сказал: «Подберите ноги, сейчас будет столб» — и они тронулись. Бородатый мужчина шел рядом, держа за телегу, и все объяснял, как найти Комарова, хотя Валентина Георгиевна уже благодарила его и говорила, что все поняла. Наконец, он отстал. Больше чем полпути Валентина Георгиевна ехала с молчаливым Алексеем, но утомилась от этой поездки не меньше, чем от ходьбы, потому что

телегу заносило то в одну, то в другую сторону и почти опрокидывало. Остальные пять или шесть километров она шла пешком, размышляя, что рабочий день кончился, что в избе ее ждет крынка с теплым парным молоком, провисшая чистая раскладушка и томик Чехова.

Вдали показались огни конторы. Электрический свет вырывался в вечернюю мутную мглу плотными прожекторными лучами. Войдя в приемную, которая впервые показалась ей родной и уютной, Валентина Георгиевна сняла резиновые сапоги, надела туфли и пошла к начальнику.

— Ну как, узнали? — нетерпеливо спросил он, бросив писать.

— Нет. Никто не знает.

— Плохо! — отрезал начальник и снова принялся писать что-то.

— В райцентре есть какой-то Комаров, инженер, — продолжала Валентина Георгиевна, глядя на его волосатые руки, — он много лет работал, говорят, начальником изыскательной партии...

— Что говорит Комаров?

— Так он же в райцентре.

— Значит, вы его не видели?

— Конечно, нет... В деревне мне объяснили только, где он живет.

— Надо будет съездить к нему, — подумав, сказал начальник.

— Хорошо.

— Сейчас я вызову машину.

— Сейчас ехать? — удивилась Валентина Георгиевна. — Но...

— А когда же. До райцентра — хорошее шоссе. ...Алло, дайте автоколонну... Час туда, час обратно. К тому же вы поедете в кабине. ...Алло, кто это? Товарищ Тимофеев? Скажите, чтобы заправили полуторку... Да... В райцентр... — он положил трубку. — Если вы привезете благоприятные сведения, Валентина Георгиевна, то поможете строительству больше, чем все наши машины. Понимаете?

— Да,— ответила Валентина Георгиевна и пошла снимать туфли и надевать резиновые сапоги.

Шофер, который повез Валентину Георгиевну, оказался утомительно говорливым парнем. Он не переставая рассказывал содержание кинокартин, и этому не предвиделось конца.

Валентина Георгиевна сначала честно слушала его, потом задремала, потом проснулась и снова начала слушать.

Дождь все шел, и в свете фар казалось, что капли пулями летят в радиатор.

Ехали быстро. На ухабах в кузове грохотало запасное колесо. Город показался в первом часу ночи. Людей на улицах почти не было.

— Теперь куда? — спросил шофер.

— Я и сама не знаю, куда,— сказала полусонная Валентина Георгиевна,— куда-то к Советской площади.

Шофер открыл дверцу, крикнул кому-то: «Эй, малый!» — и долго расспрашивал не видимого в темноте пешехода. Потом поехали дальше и, наконец, выехали на площадь, где в свете фонарей виднелись закрытая парикмахерская, закрытый «Гастроном», закрытая фотография и закрытое кино. Возле дверей кино стояла фанерная афиша с оплывшими синими буквами. В одном из окон трехэтажного дома за слущенной занавеской светился уютный оранжевый абажур, и Валентине Георгиевне почему-то показалось, что там сейчас играют в лото.

— А теперь куда? — снова спросил шофер.

— От кино во второй переулок, и там где-то живет инженер Комаров, — устало ответила Валентина Георгиевна. — Прямо не знаю, как мы его найдем среди ночи.

— Разыщем инженера Комарова, — уверенно сказал шофер.

Они заехали в темный переулок. Шофер выскочил из машины и стал бесцеремонно стучаться в дверь ближайшего дома. В доме зажгли свет, открыли окно, стали говорить. Потом окно захлопнулось. Шофер стучал все дальше и дальше. «Перебудит всю улицу», — равнодушно подумала Валентина Георгиевна, засыпая. Проснулась она от тряски.

— Куда мы едем? — испуганно спросила она.

— К инженеру Комарову, — отвечал шофер. — Вот они, два окна, светятся. Вы идите, а я пока свечу почищу.

На крыльце Валентину Георгиевну ждал маленький подвижной старичок в халате и кепке. Она прошла за ним по коридору, цепляясь жестким плащом за велосипед, за корзину, за вешалку, и очутилась в комнате, оклеенной обоями. Посреди комнаты стоял стол, накрытый чистой скатертью, у стены низкий диван, на котором было постлано Комарову, возле другой стены — ширма. За ширмой слышалось ровное дыхание спящего человека. На столе стояла тарелка, и на нее был натянута мокрый берет.

— Вы с мостового перехода через Валовую, — шепотом, но оживленно проговорил старичок, моргая еще не привыкшими к свету глазами. — Очень рад... Присаживайтесь, пожалуйста.

Извините, что не могу угостить чаем... Хозяйка спит... Я ведь тоже вроде вас — скиталец.

Валентина Георгиевна шепотом объяснила, что ей нужно.

— Как же, я этот карьер прекрасно помню.— Старичок улыбнулся.— Я его и нашел еще студентом-практикантом, когда бегал купаться на Валовую со своим приятелем, ныне профессором Ленинградского института инженеров транспорта. За эту находку подрядчик, который строил ветку железной дороги, поставил вашему покорному слуге четверть водки, а предки нынешних колхозников избили до полусмерти, сломали руку... А потом, гораздо позже, кажется в тысяча девятьсот двадцать шестом году, чудотрансовские работники по моему совету использовали этот гравий для искусственных сооружений...

— Он годен для бетона?

— По механическим свойствам — вполне. Только вот гранулометрический состав чем-то не отвечает техническим требованиям, но ведь это пустяки. Пропустите через сита, добавьте крупную фракцию... Да вот, зачем далеко ходить, на нашем шоссе, на сто девяносто четвертом пикете, железобетонный мост, — правда, не такой красавец, как ваш, но все-таки два пролета по шесть метров, — из этого гравия сделан, и стоит хоть бы что... — шептал старичок.

— И возле Белых Крестов, — неожиданно сказали из-за ширмы.

— Да, да, — уже полным голосом заговорил Комаров, кивая ширме.— Это, Таисия Ивановна, на двести сорок первом пикете, плюс сорок или плюс пятьдесят, не помню.

— Благодарю вас, — поднялась Валентина Георгиевна.— Пойду. Извините, что я тут всех разбудила.

— Пожалуйста, пожалуйста. Милости просим, если еще что-нибудь понадобится, — говорил старичок, машинально переходя на шепот.— Милости просим...

Валентина Георгиевна вышла на крыльцо и забралась в кабинку.

Машина рванулась с места, выехала за город и помчалась по шоссе, рассекая лужи, освещая фарами путевые знаки, блестящую листву кустов, покрашенные известью надолбы. Валентина Георгиевна заснула, и ей снилась дорога, струящаяся, как река, под колеса машины, надолбы, лужи, и, когда полуторка подъехала к конторе, ей показалось, что она совсем не спала.

Чувствуя ломоту во всем теле, она вышла из кабинки и сняла в приемной плащ. Переобуться у нее не хватило сил, и она отправилась к начальнику прямо в резиновых сапогах.

Начальника не было. В кабинете на его месте сидела тетя Паша и читала газету.

— Где Непейвода? — спросила Валентина Георгиевна.

— В карьер поехал. Велел вам дожидаться.

— А ты тут что делаешь?

— Если телефон звонить станет, велел спрашивать, кто звонит.

— Ну ладно. Ты иди. Я дождусь его. Кстати, кто тебе позволил брать газеты начальника?

— А что? Чай, не сгорит у меня в руках газета...

«Вот до чего дошло,— думала усталая Валентина Георгиевна, чуть не падая на табуретку в приемной,— даже тетя Паша ни в грош не ставит меня. Даже тетя Паша». Острая жалость к себе наполнила ее сердце, и, быстро вынув листок бумаги, она вставила его в машинку, надела на пальцы колпачки и напечатала:

«Уважаемый Иван Семенович!»

Она хотела написать, что ей стало невыносимо трудно, что ее обижают, что она не имеет ни друзей, ни родных, что перейти ей на другую работу сложно, потому что у нее нет квартиры, что она попрежнему надеется, что он возьмет ее к себе, что ему будет легче с ней, чем с любой другой секретаршей.

Но вот что у нее получилось:

«Напоминаю вам, что не передумала работать с Вами, если конечно, на моем месте сидит менее удовлетворяющий Вас, чем я, человек. Кроме того, я не смогу приехать в Москву, если мне не

будет обеспечена комната. Прошу Вас срочно сообщить, каковы в этом отношении перспективы, так как я, очевидно, не останусь здесь на осень, а перейду в другую, более стабильную организацию. Новости у нас следующие: кончили бетонировать вторую и третью опоры, кончаем и первую, завтра приступим к укладке арматуры на эстакаде. Скоро начнем брать гравий с берегового карьера. Выход машин на линию — девяносто процентов.

Уважающая Вас
Валентина Георгиевна.

5

Часа в три ночи Непейвода собрал начальников отделов, поехал на сто девяносто четвертый пикет, нашел мост, о котором говорил Комаров, и при свете трех карманных фонариков стал стучать кувалдой по крылу береговой опоры, крикая, как заправский молотобоец. Бетон оказался крепче железа. «Вот вам и лабораторное исследование», — сказал Непейвода, и они поехали обратно.

В шесть часов утра на береговой карьере перегнали трактор со скреперами, начали вскрышные работы, подготовку подъездов, установку грохотов для просеивания гравия, и к полудню первые машины прибыли на стройку с новым материалом.

На другой день суточный план перевозок был перевыполнен. Шоферы, которых раньше считали главными виновниками медленных темпов строительства, повеселели, вошли в азарт, постоянно спорили с погрузчиками, что машина недогружена, и велили сыпать материал до верхней доски борта, объясняя это тем, что хорошо нагруженная машина меньше буксует.

Между тем дождь шел и шел, шел третий день с короткими перерывами, и к нему как-то все приспособились, привыкли. В стенгазете Тимофеев довольно удачно изобразил контуру строительства в виде подводного царства, служащих, включая и Непейводу, в виде рыб и только Валентину Георгиевну — русалкой.

Вечером Непейвода позвал ее и протянул бумажку.

— Прошу напечатать в трех экземплярах,— сказал он.— Один — в дело, другой — вывесить на доску приказов, третий — в бухгалтерию. И разрешите поздравить вас.

Не понимая, в чем дело, Валентина Георгиевна пожала его только что вымытую, приятно-холодную руку и вышла.

Она приготовила бумагу для печатания: один лист хороший — для подписи начальнику, и два других — для бухгалтерии и доски приказов, но вошел Тимофеев, грязный и оживленный.

— Вы знаете, сколько сегодня мои пескари вывезли из вашего карьера? — заговорил он.

— Меня это совершенно не интересует,— обрезала Валентина Георгиевна, прикрыв глаза и стараясь показать, что сердится на него за то, что он нарисовал всех — рыбами, а ее одну почему-то русалкой.

— Ну что же,— несколько смутившись, проговорил Тимофеев.— Не интересует — так не интересует,— и пошел к начальнику.

Валентина Георгиевна взяла листочек бумаги и прочла написанное характерным почерком Непейводы, крупными и такими же отчетливыми, как его голос, буквами:

«В п р и к а з

За отличное выполнение задания по установлению качества гравия в карьере у реки Валовая, что позволило значительно перевыполнять план вывозки в сложных условиях, премировать секретаря-машинистку Островскую В. Г. денежной премией в размере месячного оклада».

Она горько усмехнулась, надела резиновые колпачки на пальцы, удобнее поставила табурет и, чтобы показать начальнику свое отношение к премии, напечатала об этом в общем приказе по отделу кадров между параграфами о том, что слесаря авторемонтной мастерской Матвеева считать вернувшимся из отпуска и что техника ПТО Румянцеву считать по фамилии мужа — Смирновой.

Начальник подписал приказ, и она вывесила его среди других бумажек.

Однажды, когда Тимофеев выходил из кабинета, Валентина Георгиевна остановила его.

— Вот телеграмма из управления,— сказала она.— Результаты исследования показали, что гравий берегового карьера пригоден для бетонных работ.

— Мы и сами знаем, что пригоден,— отвечал Тимофеев,— но, вероятно, придется поворачивать оглобли, возвращаться к старому.

— Как так к старому! — Валентина Георгиевна возмутилась.— Я ходила всю ночь, а вы будете возить из старого.

— Да посудите сами: вдоль обрыва возить нельзя: обрыв подмыло, того и гляди обвалится, а другой дороги от вашего карьера нет.

— Сделайте другую дорогу.

— Это легко только на машинке напечатать — сделайте дорогу длиной четыре километра.

— Ну внизу, берегом возите.

— Вы еще посоветуйте, чтобы по воде машины поехали...

— Я с вами серьезно разговариваю...

Но Тимофеев вдруг щелкнул пальцами, лицо его исказилось, и он бросился к начальнику.

— Товарищ начальник! — услышала Валентина Георгиевна его торжествующий голос. — На барже... на барже нам надо везти гравий из этого карьера. Нагрузить сразу тысячу кубометров — и конец!..

— Что же, вы предлагаете снять с баржи снаряжение для пролетных строений? — спокойно спросил начальник.

— Шут с ним, со снаряжением. Снимем и поставим.

— А где возьмете катер?

Валентина Георгиевна прекратила печатать и прислушалась. Она понимала, что предложением Тимофеева сразу решалась вся транспортная проблема — дешево и быстро. Сердце ее сильно билось.

— Да, действительно нужен катер, — разочарованно протянул Тимофеев.

— Ну, предположим, катер мы достанем. Я позвоню в леспромхоз — дадут катер. А как здесь фарватер? Всюду ли пройдет груженная баржа?

— Пройдет! Я сейчас организую промер дна.

— Хорошо. Проверьте фарватер, а тогда и решим, как быть с этим карьером.

Тимофеев выбежал из кабинета и умчался. «Ведь за один раз мы свезем столько гравия, сколько всей нашей автоколонне не перевозить и за десять дней. Это просто невероятно! — думала Валентина Георгиевна, и ей уже представлялась баржа, груженная гравием из ее карьера, подплывшая к самому мосту, радостные лица бетонщиков, прорабов, Тимофеева. — Это будет праздник...»

Валентина Георгиевна ждала минут десять. «Вероятно, он забыл, — подумала она, — надо ему напомнить».

Она вошла в кабинет. Начальник пил чай.

— Вы не забыли позвонить в леспромхоз? — спросила Валентина Георгиевна.

— Зачем? — спросил начальник, наливая чай, как в трактире, сразу из двух чайников, из маленького и из большого.

— По поводу катера. — Валентина Георгиевна спохватилась, что из этих слов начальнику становится известно ее подслушивание, и покраснела.

— Ах, вот что, — начальник взглянул на нее и ухмыльнулся. — Вот посмотрим, что покажет промер дна, а тогда и будем звонить во все колокола. О своем карьере заботитесь?

— Я о строительстве забочусь,— ответила Валентина Георгиевна и, гневно подняв голову, вышла, очень недовольная собой.

А дождь все шел, реденький, нудный. По стеклу единственного окна приемной капризными дорожками текли капли. Низкое небо было сумрачным и печальным. Дело шло к вечеру, а Тимофеев с промерами дна не являлся. «Боже, когда же кончится эта слякоть?!»— подумала Валентина Георгиевна.

— Тетя Паша,— спросила она,— ты, кажется, здешняя?

— А как же. Здешняя,— ответила тетя Паша.

— Ты не знаешь, река в этих местах глубокая?

— А как же. Глубокая. Есть места — с ручками будет.

— А мелкие места есть?

— Есть и мелкие. А что? Или вы купаться собрались?

Валентина Георгиевна вздохнула и принялась ждать Тимофеева. Результаты промеров он принес только на следующее утро. Они оказались удовлетворительными, и Непейвода попросил Валентину Георгиевну дозвониться до леспромхоза. В леспромхозе о катере ничего определенного не сказали, обещали позвонить через полчаса, и Валентина Георгиевна стала ждать этого звонка, ежеминутно поглядывая на часы.

Чтобы занять себя, она начала разбирать только что пришедшую почту. Один пакет был из управления. Она аккуратно отрезала кромку конверта ножницами, вынула хрустящую бумажку и прочла:

«Откомандировать секретаря-машинистку Островскую Валентину Георгиевну в распоряжение отдела кадров управления».

Вот оно! Не забыл о ней все-таки Иван Семенович.

Валентина Георгиевна хотела обрадоваться и не могла.

«Я понесу начальнику эту бумагу позже,— подумала она.— У него и без того сейчас много хлопот».

Хлопот действительно было много. Леспромхоз выделить катер отказался, и по этому поводу пришлось звонить в райисполком, однако и там ничего не вышло.

Только вечером Валентина Георгиевна вручила Непейводе приказ управления.

— Ну что же,— сказал он,— собирайтесь в путь. Дела пока сдайте Смирновой.— И стал перебирать следующие бумажки.

С минуту Валентина Георгиевна молча стояла у стола.

«Интересно, сердится он или доволен, что я уезжаю?»— думала она, глядя на его чистые руки.

— Но Смирнова не все время будет секретарем? — спросила она наконец, так и не поняв, сердит начальник или доволен.

— Конечно, нет.

— А кого же вы возьмете?

— Найду кого-нибудь... Сейчас не до этого.

Валентина Георгиевна постояла еще с минуту и вышла.

На станцию вез ее тот же самый шофер, с которым она ездила к инженеру Комарову. Теперь он вел машину молча, и Валентина Георгиевна поняла, что он не одобряет ее отъезда. С начальником проститься не удалось, потому что он уехал в город по поводу катера. Шофер привез Валентину Георгиевну на маленькую станцию, попрощался и сразу уехал возить гравий. Пассажиров, ожидающих поезда на Москву, было немного, но у всех были проvojaющие. Только Валентина Георгиевна сидела одна с чемоданом и узлом.

Минут за пятнадцать до прихода поезда в зале ожидания появился Непейвода, разыскал глазами Валентину Георгиевну и подошел.

— У меня к вам просьба,— сказал он.— Если вам не трудно, свезите яблочки моим ребятишкам.— И он протянул небольшую посылку, неумело, видимо им самим, обшитую черными нитками.— На почту сдавал — не берут... Говорят, не так зашито...

— Пожалуйста,— согласилась Валентина Георгиевна, вставая.

— Сидите, сидите. Вы теперь мне не подчиняетесь,— улыбнулся Непейвода.— И вот открытка. Вы впишите вот здесь, на пустом месте, свой адрес, опустите ее, и за гостинцами придет жена...

Валентине Георгиевне было как-то удивительно слушать, что у такого человека есть жена, ребятишки, что он говорит о гостинцах, что в начале открытки твердым, разборчивым почерком написано: «Милые, дорогие мои!»

— Катер дают? — спросила Валентина Георгиевна.

— Дают. На карьер отправили транспортеры, завтра подтянем баржу и начнем грузить.

Подошел поезд. Непейвода отнес вещи в вагон, разложил по полкам. Потом вышел и остановился на перроне, под дождем, покуривая.

— Вы идите,— сказала Валентина Георгиевна,— зачем вам мокнуть.

— Ничего. Привык.

Ей захотелось сказать этому человеку на прощание что-нибудь теплое, как-нибудь извиниться за сухое, слишком официальное отношение к нему, но она не могла найти подходящих слов и, когда засвистел главный, произнесла быстро:

— Я оставила в левом ящике свою папку «К докладу». Возьмите ее своему секретарю.

— Благодарю вас,— сказал Непейвода.

Поезд незаметно тронулся. И, несмотря на то, что уезжала Валентина Георгиевна, а Непейвода оставался, ей показалось, что она стоит на месте, а Непейвода, и маленькая станция, и шоссе, по которому она ночью ездила в город, и блестящие деревья, и пахучая от дождя земля, и низкое, мягкое небо — все это двинулось и медленно начало уплывать от нее. Она вдруг вспомнила тетю Пашу, нескладного, умного Тимофеева, любопытную бригадиршу Олю, бородатого мужчину в шинели, инженера Комарова, обиженного шофера, и ей стало горько оттого, что все эти люди, начавшие уважать ее, все быстрее и быстрее вместе с этой землей уплывают вдаль и, быть может, никогда ни с одним из них ей не удастся встретиться.

Она вспомнила о катере, о барже, о своей карьере, обо всем том, что стало в последние дни нужным и важным ей. А поезд шел и уносил ее от всего этого.

Редактор С. КОЛЯДЖИН
Художественный редактор К. БУРОВ
Технический редактор Д. ЕРМОЛЕНКО
Корректор Е. МЕЗИС

Подписано к печати 11/VIII 1955 г. А 01026
Формат бумаги 84 × 108¹/₁₆ — 9 печ. л. =
= 7,38 усл. печ. л. 3,11 уч.-изд. л.
Тираж 30 000 экз. Заказ № 2566
Цена 7 р. 70 к.

Гослитиздат
Москва, Ново-Басманная, 19

3-я типография «Красный пролетарий»
Главполиграфрома
Министерства культуры СССР
Москва, Краснопролетарская, 16

